

дая въ свой чередъ — варварское великолѣпіе у себя дома на скромное и уютное существованіе въ Парижѣ. Внучка, Cathérine-Paris, названная наизусть такъ въ честь любимаго города, воспитывается весьма буржуазно на улицѣ Матиньонъ, но, по волѣ случая, выходитъ замужъ за блистательнаго польскаго графа. Она попадаетъ въ Вѣну, Берлинъ и Петербургъ — описаніе Петербурга особенно холодно и равнодушно — и отовсюду ее тянетъ въ родной Парижъ. Подъ конецъ, слишкомъ поздняя любовь къ французскому авіатору и возвращеніе туда и въ тотъ столичный «элитный» кругъ, куда героиня романа стремится.

Книга госпожи Бибеско — о современности и, повидимому, раздражаетъ нѣкоторымъ прославленнымъ послѣвоеннымъ романистамъ. Фигуры и положенія искусственны, самый рассказъ утомительно остроуменъ. Но намъ, заграничнымъ русскимъ, любопытенъ «двойственный» бытъ — то погруженіе въ чужую жизнь, которое весьма сильно занимаетъ автора и является также темой его предыдущаго романа.

Н. Ф.

V. LARBAUD. *Janne Bleu Blanc*. Paris. N. R. F. 1927.

Новая книга Валери Ларбо проистекаетъ цѣликомъ изъ его иностранныхъ чтеній и путешествій. Есть въ ней вещи болѣе или менѣе повѣствовательнаго характера, какъ «200 комнатъ, 200 ваннъ», гдѣ анекдотъ соединенъ съ размышленіями почти лирическими, или «Пластилинка», запись дамской болтовни, или другія страницы, напоминающія вставныя новеллы «Барнабута», хоть и не достигающія достоинства лучшихъ изъ нихъ, вродѣ неаполитанской повѣсти о независимой Анджелѣ Какаче. Но главный матеріалъ книги принадлежитъ не столько Ларбо — новеллисту, сколько Ларбо-путешественнику и критику. Впрочемъ, въ обѣихъ этихъ областяхъ, Ларбо прежде всего импровизаторъ, блестящій, всѣхъ профессионаловъ опередившій дилетантъ. Почти всегда, о чемъ бы онъ ни писалъ, написанное имъ оставляетъ впечатлѣніе какого то очень произвольнаго, очень капризнаго, но и очень тонкаго вышиванія — искусства, на архитектуру не похожаго. Такъ, мы воспринимаемъ — да и какъ ихъ иначе воспріять? — его мысли о португальской грамматикѣ, его англійскія или испанскія воспоминанія, страницы о Рекананити, городѣ Леопарда и о Парижѣ — городѣ самого Ларбо.

Д. Л.

ЖУРНАЛЫ

«СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ», книга XXXIII.

Книга открывается «Древомъ жизни» Бунина. По формѣ это — отрывки изъ дневника, но читателю «Древо жизни» кажется вымысломъ: настолько правдива эта вещь. Все въ ней живетъ, все восхитительно выпукло — магическое искусство Бунина покоряетъ съ первыхъ строкъ.

Сосѣдство Бунина — дѣло опасное для всякаго беллетриста. Рядомъ съ нимъ что не покажется вялымъ, тусклымъ, надуманнымъ?

Впрочемъ, нарочитость и надуманность «Исторіи любовной» И. С. Шмелева намъ приходилось уже отмѣчать въ отзывѣхъ на предыдущія книги «С. З.». Съ каждой новой главой этой повѣсти все яснѣе обнаруживается какой-то порокъ въ самомъ ея замыслѣ, заставляющій звучать фальшиво каждое слово. Смѣшно, однако, было бы говорить объ «упадкѣ» Шмелева. Это просто — неудача, какая можетъ случиться съ каждымъ художникомъ. «Сивцевъ Вражекъ» М. А. Осоргина — вещь живая и, конечно, найдетъ своего читателя, когда появится, наконецъ, отдѣльной книгой.

«Мавританія» ироническая комедія П. П. Муратова отличается отъ «Дафниса и Хлои», появившейся въ томъ же журналѣ, большей энергіей въ веденіи дѣйствія и въ діалогѣ. Дѣйствующія лица почти всѣ намъ давно знакомы: это въ извѣстномъ смыслѣ классическія фигуры русской литературы, отъ Гоголя до Горькаго. Неоригинальность намеренная, потому что комедія Муратова символизируетъ вѣковую русскую неразбериху: и внѣшнюю беспорядочность и внутреннюю смятенность. Многое въ «Мавританіи» найдено очень мѣтко и тонко.

С. Соколовъ-Слободскій — новое для насъ имя. Трудно сказать, что оно сулитъ. «Русь-Матушка» состоитъ изъ неосуществившихся порывовъ. Есть выдумка, но ея не хватило до конца; есть и юморъ, но только въ зачаточномъ состояніи. Языкъ очень неровень.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ: отличные стихи Н. Оцуца и два стихотворенія Галины Кузнецовой, пріятныя той чистотой тона, которая всегда отличаетъ эту поэтессу. Большая (ок. 900 стиховъ) «Университетская поэма» В. Сирина — произведеніе виртуоза. Но есть литературныя формы, окончательно себя исчерпавшія: къ нимъ принадлежитъ стихотворная повѣсть, достигшая своего апогея въ первой трети XIX в. Всякая попытка оживить этотъ жанръ неизбежно отдаетъ стилизаціей, а, въ худшемъ случаѣ, пародіей. Жаль, что талантливый поэтъ не учелъ этого.

Диксъ.

ВОЛЯ РОССИИ. Книга X. 1927.

Книга открывается рассказомъ В. Федорова «Деревянный міръ», написаннымъ въ ранне-совѣтской манерѣ и напоминающимъ первыя вещи Пильняка и др. О талантѣ автора судить трудно, хотя и отрицать его нѣтъ оснований. Затѣмъ идетъ «Бретонская легенда» Влад. Диксона, непритязательная и въ свѣжести своей довольно пріятная. За ней — «Стихи о современности» Вяч. Лебедева, которыми чисто-беллетристическій отдѣлъ книги и заканчивается.

Самое любопытное въ книгѣ — «Путевыя впечатлѣнія нелегальнаго», рассказъ о поѣздкѣ въ Россію осенью этого года, помѣченный «Петербургъ, сентябрь 1927». Глѣбъ Гонцовъ — таинственный и смѣлый авторъ этихъ записокъ — человѣкъ, умѣющій видѣть и передавать то, что видитъ. Въ его рассказѣ все интересно, и неподдѣльно его волненіе при возвращеніи на давно покинутую «родную землю».

О статьѣ Марка Слонима «Десять лѣтъ русской литературы» го-